

Винсент дела Сала¹

ЕВРОПА — МЕРКУРИЙ, РОССИЯ — ПЛУТОН: СЛОЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Во время военных действий в Ираке в 2003 году между Европой и Соединенными Штатами Америки возникли разногласия. Тогда Роберт Каган написал свою знаменитую ныне книгу, в которой утверждал, что Соединенные Штаты прибыли с Марса, а Европа — с Венеры. Мифические фигуры олицетворяли собой предпочтение Европы действовать мирными методами урегулирования конфликтов между субъектами в международной системе, в отличие от Соединенных Штатов, которые придерживались классического типа международной политики, определенных властных отношений.

Мы можем использовать эти мифические фигуры, чтобы дать представление о том, как каждая сторона рассматривает другую и может ли это приблизить к точке непримиримых разногласий, которые могут привести к нестабильности в Европе и за ее пределами. Мой доклад будет сфокусирован прежде всего на том, каким образом ЕС видит себя в качестве глобального игрока и каковы общепринятые и распространенные мнения о России в разных частях Европы.

Я надеюсь, что мои комментарии помогут пролить свет на то, как Европейский Союз видит и формирует себя, как действует и как это может повлиять на отношения с Россией. Я не буду говорить о том, как другие страны, например Россия, интерпретируют ЕС, предоставлю это экспертам, которые знают факты лучше меня. Моя цель — проиллюстрировать, каким образом ЕС презентует себя как новый вид политической структуры; показать, что такое видение ЕС по определенным внутренним причинам является одним из препятствий в работе с остальными странами мира, что часто приводит к опасной ситуации недопонимания друг друга.

В римской мифологии Меркурий рассматривается не только как бог торговли и финансовой выгоды, но и как бог красноречия. Проворный и ненавязчивый, он стремится получить прибыль от все большего количества обменов, которые предположительно всем несут пользу. Плутон — темная фигура, бог подземного мира и хранитель подземных сокровищ, медленно реагирующий на изменения в мире. Я бы сказал, что эти две модели очень хорошо показывают, как ЕС вос-

принимает себя в мире и как видит Россию. Возможно, они также помогут понять, как Россия видит Европу, но я оставляю это тем, кто знает Россию намного лучше меня.

Смысл, который занимает центральное место в идентификации ЕС, — это именно то, что Энтони Гидденс называет онтологической безопасностью, так как ЕС представляет собой новый вид политического актора, который, по словам Жана Монне, одного из отцов-основателей Евросоюза, предназначен для замены современного государства-нации. Это государственное устройство определено не в рамках стратегического использования мощности, а в рамках этических ценностей и решения общих проблем. Оно не может не нести на себе бремя времени, фактов, истории и даже географии. Как утверждает Юрген Хабермас, «общества судьбы» собрались вместе для выполнения общей миссии. Напротив, ЕС представляет собой структуру, которая не гонится за политической властью, но ищет рациональные решения коллективных проблем для плодотворного сотрудничества. Катализатором этого процесса является общий интерес всех государств — членов Союза, которые стремятся к расширению торговли и созданию единого экономического пространства. Поскольку экономические системы стали более интегрированными, им необходимо решать множество вопросов — от изменения климата до движения к социальной сплоченности.

Независимо от цели ЕС рассматривает себя как модель для решения политических проблем современного мира. Он считает национализм искусственным барьером для решения проблем, а не средством влияния на граждан. Это история, которая наделяет ЕС идентичностью. Как и всем политическим системам, Евросоюзу нужны основания, чтобы придать своим действиям легитимность. Правда эта история или нет — неважно, важнее, насколько это очевидно и приемлемо для граждан. Это основание придает ЕС как игроку на международной арене признаки «исключительности». Есть также правовая основа для этой позиции внешней политики — это ст. 21 Договора о Европейском Союзе, в которой указано: Союз на международной арене должен руководствоваться в своих действиях принципами, которые вдохновили его собственное творение, развитие и расширение и которые он стремится упрочить в мире: демократия, верховенство закона, универсальность и неделимость

¹ Адъюнкт-профессор политических наук кафедры социологии и социальных исследований Университета Тренто (Италия). Автор публикаций по политэкономии, европейской интеграции и демократической законности.

прав человека и его основных свобод, уважение человеческого достоинства, принципы равенства и солидарности, а также уважение принципов Устава ООН и международного права.

Договор гласит, что ЕС должен построить отношения с третьими лицами, которые разделяют эти ценности, так как это необходимо для объединения под властью закона, что способствует расширению демократии, помогает в ликвидации бедности, гарантирует устойчивое развитие мира. Что нам дает представление о ЕС в качестве игрока, который опирается только на взаимную выгоду и дипломатию для решения обычных проблем? Все это коренится в самой идее его создания и смысле существования. Рядовой обыватель видит создание ЕС не как результат холодной войны, вынудивший поделить Европу на сферы влияния, а как желание извлечь уроки из истории. Это научило таких политических лидеров, как Конрад Аденауэр, Роберт Шуман и Альчиде Де Гаспери, смотреть на национализм и стандартные понятия суверенитета и власти как на несоответствующие современному миру.

Фактически, держась за эти догмы, понимание мира просто оказалось ненужным ограничением и бременем, которое предотвратило поиск эффективных решений проблем граждан. Прагматизм и податливость, то есть быстрая смена позиции, должны были стать качествами нового принципа в послевоенную эпоху, а также инструментами, которые должны были принести мир и стабильность континенту, разоренному по крайней мере тремя главными войнами, произошедшими между 1870 и 1945 годами. Ключевым было использование постепенно нарастающей экономической взаимозависимости для установления нового порядка в мире. Эта прагматическая, гибкая модель управления, согласно фактам, несла ответственность за обеспечение беспрецедентного процветания в Европе и дала понять, что даже большинство укоренившихся геополитических и геостратегических конфликтов могут быть решены посредством действия закона, взаимного интереса и объединенного суверенитета.

Эти постулаты всегда сталкивались с внутренними трудностями и напряженными отношениями в пределах ЕС, прежде всего потому, что существовали отличия во внешней политике ЕС и самих государств-членов. Очевидно, что после холодной войны Великобритания и Франция были участницами многих военных вмешательств — от Косово до Ливии и Сирии. ЕС может быть и Венерой, и Меркурием, но некоторые его государства-члены действовали, преследуя свои стратегические интересы и/или используя военную силу для так называемых гуманитарных вмешательств. Еще более важно для описания Евросоюза, что большинство его государств — члены НАТО. С точки зрения ЕС действия государств-членов во внешней политике могут быть далеки от европейского уровня и преследовать национальные цели и интересы. Однако они также неотделимы от ценностей и политики ЕС, поскольку государства все более вовлечены в общую внешнюю политику и политику безопасности, которая отражает обязательства, принятые Лиссабонским договором. Это сложное взаимодействие сильно запутывает мно-

гих граждан Евросоюза, а тех, кто находится за его пределами, — еще больше. Судя по всему, это также дает повод для некоторых весьма противоречивых действий, которые идут вразрез со многими основополагающими принципами послевоенной международной системы, такими как, например, неприкосновенность государственного суверенитета.

Для ЕС как Меркурия прежде всего важно найти пути к взаимной выгоде для всех сторон, используя для достижения этой цели красноречие и смекалку, а не власть. Евросоюзу необходимо составить описание других игроков международной системы, которые представляют ЕС иначе. Поэтому сравнение Соединенных Штатов с Марсом, которое сделал Роберт Каган, было хорошо воспринято в Европе, так как выделяло их в трансатлантических отношениях как более аргументированного и разумного партнера, искавшего решения проблем, а не просто использовавшего власть. Европа любит презентовать себя как глобального игрока, который ищет пути к миру и дипломатии, в то время как другими странами в XXI веке движет жажда удовлетворения собственных интересов.

Отношения Европейского Союза как игрока, опирающегося на правила, с Россией всегда стимулировала самоидентичность, дающая основания для установления нового порядка. Как утверждают многие ученые, ЕС во время холодной войны создал «риторическую провокацию», то есть его картина мира и процветания, возникшая вследствие поиска экономической взаимозависимости как способа регулирования даже глубоко засевавших разногласий, фактически означала, что он не в состоянии помочь, но после падения Берлинской стены был настроен на расширение в сторону Центральной и Восточной Европы. Он не был нацелен на расширение сферы влияния или поиск своего рода геостратегического баланса. По словам лидеров ЕС, это являлось простым, логическим следствием привлекательности постмодернистского подхода к управлению. Евросоюз расширял не границы, а идею и модель. Кроме того, в мобильной модели ЕС важные исторические события, такие как переход к рыночной экономике и либеральному демократическому строю с международными обязательствами, не были бесмысленными. Либерально-демократические государства не существуют за счет интересов других игроков, потому что не считают себя обособленными. По факту они — часть продолжающегося и, возможно, необратимого процесса расширения и углубления взаимозависимости.

Решение о расширении в Восточную и Центральную Европу в 2004 году было принято десятилетием ранее. Конец холодной войны помог положить начало этому процессу, мир пришел в Европу, и больше не возникали политические и геополитические конфликты, которые невозможно было бы решить при новой форме правления, основанной на политических постулатах. ЕС представлял собой систему будущего и основу нового миропорядка на территории от Ирландского моря до, по крайней мере, Урала. Расширение было отмечено почти как естественное развитие, которое не меняло, не затрагивало любой геостратеги-

ческий баланс и не угрожало безопасности пограничных государств.

Европейская политика соседства (ENP) и связанное с ним Восточное партнерство (EP) были выработаны в пределах ЕС вновь не в качестве стратегического шага, а как средство для продвижения демократии и помощи пограничным государствам в экономическом переходе. Так как захват сферы влияния никогда не был частью официальной концепции Евросоюза, попытка установить отношения с такими государствами, как Украина и Грузия, рассматривалась просто как следование принципам ЕС: использование собственного влияния для распространения демократии и рыночного капитализма как способа установления нового международного порядка, основанного на законе, а не на ресурсе власти. Для других игроков ЕС кажется либо очень наивным, либо очень циничным, используя риторику и концепцию «нормативной» или «этической» власти, маскировать стратегические интересы.

В соответствии с таким подходом Евросоюз рассматривает себя в качестве порядочного, нравственного игрока, а Россию — как темного игрока, которым движет основной инстинкт. Напряженность в отношениях достигла кульминации в 2013–2014 годах по вопросу государств, которые участвовали в переговорах по присоединению к Евразийскому союзу и, возможно, подписывали договоры о сотрудничестве с ЕС. Несмотря на устоявшиеся убеждения, все это не было направлено на ослабление традиционного влияния России в регионе, хотя трудно было предположить, что она не расценит это как угрозу. Договоры о сотрудничестве предписывали участие государств в широком диапазоне реформ, чтобы скорректировать их национальное законодательство к стандартам Евросоюза, что положит начало процессу преобразования, который расширит влияние ЕС не только в регионе, но и в пределах мирового сообщества.

Это был традиционный метод, который использовал Евросоюз для интеграции в конце столетия, и это является причиной видения себя в качестве Меркурия. Может быть, в 2015 году эта ситуация покажется иной, но тогда ЕС полагал, что работа по интеграции с такими государствами, как Украина, свободна от любых геостратегических соображений и не угрожает стратегическим интересам России. Именно эта неспособность нравственного игрока видеть реальность вне собствен-

ной идентичности стала ошибкой Евросоюза, поскольку события на Украине обернулись неконтролируемым бедствием. Казалось, что для протестующих на Майдане модель ЕС — это модель будущего, луч солнца в темном царстве для тех, кто видел «конец истории». Эта же концепция приводит нас к выводу, что любая страна, так же как и Россия, которая наблюдает со стороны за стратегическими интересами ЕС и политикой власти, остается пойманной в ловушку истории.

Я уверен, что собственные установки ЕС также заманивают Россию в ловушку, а схемы мышления являются одновременно и рычагами, и ограничениями. Но кризис на Украине вызвал у Евросоюза вопрос о том, насколько его самоидентичность верна. Очевидно, что государства — члены ЕС не настолько близки к Меркурию, как сам Евросоюз, и совершают поступки, опираясь на стратегические линии, рассчитывая отстаивать национальные интересы в той же мере (если не в большей), в какой они продвигают постмодернистское видение нового порядка. Проблема для ЕС заключается в том, что большая часть его самоидентичности, или, как мы ранее говорили, онтологической безопасности, зависит от действий, базирующихся на представлениях о Меркурии. Наиболее гибкий стратегический игрок искал бы способы уладить споры с Россией, отталкиваясь от того, были ли под угрозой жизненно важные интересы, а не принципы. Евросоюз этого сделать не может (что не относится к его государствам-членам), так как если он отказывается от принципа, основанного на правилах нового порядка, сразу возникнет вопрос о необходимости его существования.

Таким образом, Россия и ЕС пойманы в ловушку истории, которая определила основных игроков и установила границы возможных решений. Я считаю, для того чтобы выйти из кризиса, обеим сторонам следует осознать общий миф о своих отношениях, что позволит поддерживать их онтологическую безопасность и даст им возможность скоординировать общие и различные интересы. Для того чтобы это свершилось, ЕС должен найти способ понять свою концепцию самоидентичности, осознать, что он — стратегический игрок, и принять это как данность. Это послужит фундаментом для поиска точек соприкосновения в решениях конфликтов с другими партнерами. Если он останется погруженным в концепцию самоидентичности, то он будет не Меркурием или Венерой, а двуликим Янусом.